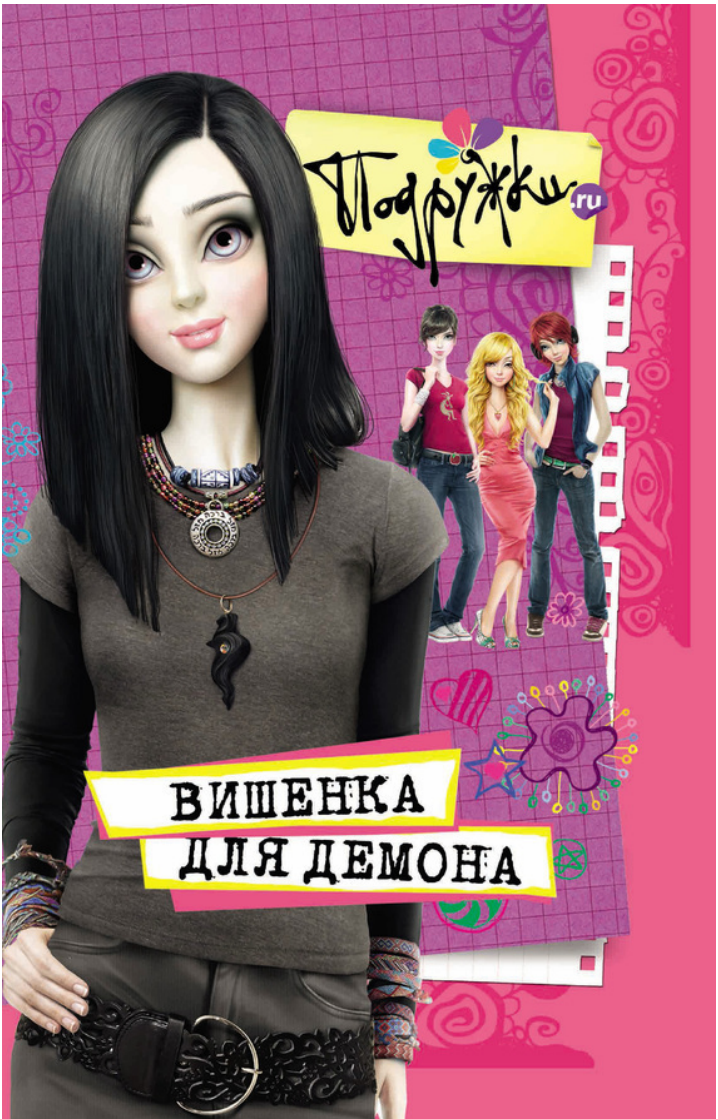
Подружки.ru
ВИШЕНКА
ДЛЯ ДЕМОНА

Наталья Аверкиева
Вишенка для Демона
Серия «Подружки.ru»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6195510
Наталья Аверкиева «Вишенка для Демона».Серия «Подружки.ru». Для среднего школьного возраста: РОСМЭН-ПРЕСС; Москва; 2010
ISBN 978-5-353-05066-7

Аннотация

Ты когда-нибудь знакомилась с парнем, в котором бы прекрасно уживался и Демон ночи, и Ангел дня? Когда-нибудь видела живого питекантропа? А может, мечта-всей-твоей-жизни падала в твои объятия? Карусель жизни раскручивается все быстрей, уже невозможно уследить за событиями, невозможно устоять на месте. На старт, внимание, марш! Беги! Сегодня сама судьба раскрывается перед нами!

Содержание

Про Варю 4
Глава 1 5
Глава 2 18
Глава 3 32
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Наталья Аверкиева
Вишенка для Демона

Про Варю

Жизнь, любовь и безделушки

Глава 1

Жизнь – это как потеряться.
Чем больше сопротивляешься, тем больше запутываешься в направлении.
Томоко Хаякава. Семь обличий Ямато Надэсико

Я вышла на трассу и подняла руку. Если честно, безумно страшно и до сих пор не верится в происходящее – я сбежала из дома, никому ничего не сказала, мать меня убьет. Точнее, сказала Ярику. Ярик так разоралась, что я решила больше никому ничего не говорить, потому что если Птица визжала, как потерпевшая, то чего ждать от остальных?

Ноги подкашивались, а мысли дрожали не то от холода, не то от предстоящей поездки. Но это ничего. Все будет хорошо. Я знаю. Только вот парень, который сидел рядом в автобусе на «Шереметьево», а потом вышел со мной на повороте, все время подозрительно оборачивается. Между прочим, уже в четвертый раз. И это меня сейчас беспокоит больше всего на свете. Черт, может, это какой-нибудь маньяк-недоучка? Чего он так смотрит? Курит… Надо дать ему уйти максимально далеко. Пусть валит отсюда. Ну чего уставился?

Идет…

Что же делать?

Мама!

Ко мне идет…

А вдруг убьет?

Черт! Черт! Черт! Какого лешего я поехала в Питер автостопом? Зачем? Кто-нибудь! Помогите!

– Закурить есть?

– Ты только что курил! – огрызнулась я тут же, давая ему понять, что не намерена вступать в беседы с незнакомыми парнями странной наружности.

– Это была последняя, – виновато опустил глаза подозрительный тип. – Ты куда путь держишь?

– Твое какое дело? Имей в виду, я – не то, о чем ты думаешь!

– Ты умеешь читать мысли? – притворно удивился парень.

– Проваливай!

– А то что? – ухмыльнулся он. – Вызовешь милицию?

– У меня отец в фээсбэ работает. Один звонок – и ты сильно пожалеешь!

Он рассмеялся. Какие забавные зубы – два клыка острые, словно у вампира. Ха, надеюсь, он не пьет кровь у таких дур, как я… Это было бы прискорбно. Я тут же успокоила себя тем, что вчера гадальные карты сказали: ничего плохого с моей персоной не случится, надо всего лишь быть осторожной. Откуда-то извне придет помощь. Может, именно вот этот странный тип и есть та самая помощь? Хотя… Нет, слишком подозрительный, не тянет он на помощника, надо от него как-то избавиться. Страшно… Вообще вчера расклады были какими-то дурацкими. Каждый аркан противоречил

другому или сам себе. Я уж и «Голову Ми-мира» попробовала, и «Кельтский крест» разложила, и русский с цыганскими расклады прикинула, а карты все равно вредничали и не разговаривали, не раскрывали будущего – то ли будет, то ли нет, все в твоих руках, захочешь, помощь придет, не захочешь, не придет. В общем, ерунда какая-то. Но я все равно поехала! Вот такая я упрямая. Нет! Целенаправленная. Только очень страшно. Одно дело карты дома на столе раскладывать в тишине и безопасности, и совсем другое – их ответы на деле проверять. Как же ноги дрожат…

– Какая ты грозная! – Неожиданно парень заливисто рассмеялся. Я даже вздрогнула. – Кирилл, – протянул узкую кисть с длинными музыкальными пальцами.

– А ты слишком веселый. Проваливай! – не сдавалась я. Демонстративно проигнорировала протянутую руку, прошла мимо и начала голосовать.

Кирилл заинтересованно уставился на меня, сложив руки на груди. На губах играет улыбка, а в глазах пляшут чертики. Выражение лица такое, как будто он увидел глупого ребенка, играющего в песочнице. Как бы не так! Я не ребенок! Пусть проваливает!

– Первый раз стопишь? – Он склонил голову набок, осмотрел меня и хмыкнул удрученно, словно я стала самым большим разочарованием в его жизни.

– Слушай, что ты ко мне привязался, а? – не выдержала я. – Иди, куда шел. Попутного ветра в горбатую спину.

– Первый раз, – повторил сам себе и снова заулыбался.

Я решила прибавить шагу от греха подальше. Вот же свалился на мою голову! Что ему надо? Что он лезет? Интересно, милиция здесь ездит?

– Если тебе нужны деньги… – раздражалась я все больше его навязчивостью.

– Не нужны, – внимательно смотрел он на меня, а глаза такие лучистые, что, кажется, дорогу ими можно ночью освещать.

– Тогда что тебе нужно?

– Ничего. Просто в таком виде ты сильно рискуешь…

– Нормальный вид!

– Юбка… – скривился он, словно она не до самой земли, а чуть ниже пятой точки. – Да, длинная, но юбка есть юбка. К тому же ты одета во все черное, ночью тебя будет не видно на дороге. И ты не умеешь брать машину.

– Тоже мне наука, – фыркнула я, дернув плечом. – Берут деньги из кошелька.

– Деньги из кошелька достают. А машины умные люди берут. Ловят только «тюлени», вроде тебя. Наука не наука, а если хочешь доехать до места, надо соблюдать правила…

– Правила придуманы, чтобы их нарушать, – хохотнула я.

– Не в этом случае. В данном случае их лучше соблюдать. Кирилл, – опять протянул он руку.

Я смотрела ему в глаза. Что ему надо от меня? Ведь не просто так прилип…

– Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-то случилось, – спокойно сообщил он, продолжая держать руку протянутой для рукопожатия. – Ты первый раз на трассе…

– С чего ты взял? – резко перебила я.

– …и не знаешь основных правил, – не обращая на меня внимания, закончил он.

– А ты, типа, умный? Добрый доктор Айболит?

– Считай, что я добрая фея.

– Мама учила меня не доверять незнакомым дядям, тем более которые прикидываются добрыми феями, – съехидничала я. – Да и вообще, дяди в виде добрых фей… – Я многозначительно замолчала, состроив наимилейшую по отвратительности рожицу.

Кирилл закатил глаза, вздохнул тяжко и покачал головой, цокая языком. Прикольный он все-таки. Только крыльев не хватает… Или рогов и хвоста?

– Варвара. – Все-таки соизволила я пожать кончики его пальцев.

– Варвара краса, длинная коса, – с улыбкой пробормотал он. – Это хорошо, что ты маму не слушаешь.

– Почему? – тут же окрысилась я. На всякий случай.

– Не все дяди одинаково полезны.

Я презрительно фыркнула. Надо будет от него как-нибудь избавиться. Наверняка он что-нибудь замышляет. Вдруг он хочет отобрать мой билет на концерт? Не отдам! Я поправила лямки на плечах и застегнула куртку-косуху. Еще и хо-

лодно. Вот же не повезло мне. Как бы дождь не начался.

– Мне надо в субботу в Питере быть. Я у матери денег на поезд попросила, она не дала. Разоралась на всю квартиру, пришлось так ехать. А ты куда?

– Туда же. – Задумался на несколько секунд, нахмурившись. Потом добавил, словно сам себе напомнил о цели поездки: – К другу. Давно не виделись.

Кирилл почему-то вызывал доверие. Не знаю, с чем это связано. Может, из-за постоянной чуть насмешливой улыбки, которая не сходила с губ, делая лицо светлым. Может, потому, что глаза у него теплые, черные, словно камешки, отполированные морской волной. Может, голос – тихий, словно шелест листвы в сентябре. Скулы, покрытые легкой щетинкой. Черное, видавшее еще Петра I полупальто. Потертые джинсы и растянутый свитер с высоким горлом. Он поправил рюкзак за спиной, смахнул с лица непослушные длинные волосы и молча пошел вперед. Я посеменила следом, буравя взглядом узкую спину. Надо позвонить Ярику. Да, надо обязательно позвонить Ярику. Сказать, что я еду в Питер с Кириллом. Пусть знает. Так мне хотя бы будет спокойнее.

Я набрала номер подруги, дала пару гудков и тут же скинула набор. Надо, чтобы она сама позвонила, типа «случайно». Пусть этот Кирилл знает, что все под контролем, у меня есть друзья, и они не бросят меня в беде. Надеюсь, Ярик поймет, что должна перезвонить? Ярик поняла. Все-таки хорошо, когда подруга понимает тебя с полузвонка.

– Да, Ярик, привет! – как можно беззаботнее заливалась я в трубку.

– Ну, ты там как? Возвращаешься? – обеспокоенно спросила она.

– Нет, знаешь, я тут с парнем познакомилась. Его Кириллом зовут. – Я внимательно наблюдала за его реакцией. Кир сделал вид, что не слушает мою болтовню. Ха, как бы не так! Нас так просто не проведешь! – Вот, вызвался помочь, не знаю, принять ли его помощь?

– Ты с ума сошла! А если он тебя убьет?

– Я тоже по этому поводу переживаю. Но он говорит, что с ним все равно надежнее.

– Варька, дурилка картонная, поворачивай обратно! Ты же понимаешь, как это опасно?! – перешла на крик Ярик.

– Не могу, знаешь ведь, – тихо буркнула я. – Просто запомни. Он высокий, примерно метр восемьдесят…

– Метр восемьдесят пять! – со смехом поправил меня Кирилл.

– Метр восемьдесят пять. – Я ехидно заулыбалась. – Глаза темно-карие. Волосы длинные, ниже лопаток…

– Размер ноги сорок три, одежды – сорок восемь, – издевался он.

– Лапти носит сорок третьего размера. Одежду – сорок восьмого.

– Откуда такие подробности? – ахнула Ярослава.

– Он мне сам говорит. Ходит во всем черном – джинсы,

пальто до колен, свитер с высоким горлом, рюкзак кожаный. Зовут Кирилл. – Я понизила голос и закрыла трубку рукой: – Мне кажется, ему можно доверять. Он улыбчивый.

Ярик недовольно причмокнула и, полагаю, покачала головой. Я попрощалась и нажала отбой. С одной стороны, ехать с каким-то парнем – очень страшно, а с другой – садиться одной в машину к неизвестному мужчине страшнее вдвойне. А так вроде бы и не очень, если ехать вдвоем с кем-то, которому ты хотя бы чуть-чуть доверяешь. Нет, все равно страшно. И зачем я поперлась автостопом в Питер, а? Вот идиотка…

Так, теперь все рассосется само собой. Если Кирилл задумал что-то плохое, то отвалится автоматом – ведь я рассказала о нем подруге, описала его, значит, он не рискнет со мной связываться. Если он хороший, то мой разговор никак на его намерения не повлияет. Посмотрим…

– Деньги есть? – бросил он через плечо, идя по обочине как ни в чем не бывало.

Вариант два. Поверим интуиции и решим, что он хороший. Да, пусть так и будет.

– Нет, – тем не менее соврала я. На самом деле у меня было с собой пятьсот рублей, но на билет на поезд их не хватило, а тут мало ли что…

– Не страшно, – явно улыбнулся Кир. – Ты чего в юбке-то поперлась?

– Я же сразу после школы. Отдала сумку с учебниками

подруге и вперед.

– Нда… – Кирилл глянул на меня. Закашлялся и… закурил. А ведь говорил, что та была последняя.

– С чего ты взял, что мне нужна помощь? Он усмехнулся и выпустил дым колечками.

– У тебя глаза сумасшедшие, – протянул он сладко. – И руку ты не так поднимаешь. И вообще ты излишне дерганая. И злая.

Я резко остановилась и уперла руки в боки.

– Это почему я злая? – недовольно процедила сквозь зубы.

Парень развернулся и пошел спиной вперед, сияя, как новенький рубль, неприкрыто рассматривая меня с ног до головы.

– Потому что злюка, – дразнился он.

– Сам ты, – огрызнулась я.

– Я же сказал. – Кир поднял руку, глядя вдаль через мое плечо.

По трассе шла большая фура. Легковушки неслись мимо. Я с надеждой смотрела на приближающуюся к нам громадину.

– Как думаешь, я к субботе доберусь до Питера?

– Нельзя загадывать, – философски заметил он, проводив проехавшую мимо фуру равнодушным взглядом. Ветер, несшийся за машиной, подкинул его волосы и швырнул в лицо, словно охапку прошлогодней листвы. Кирилл смешно сморщился, скидывая их. – Но если бы я был девушкой и у меня

были мозги, я бы поехал на «собаках»… Я захохотала:

– Как чукча, что ли?

– Почему как чукча? На «собаках» – значит, на электричках. Так их называют за то, что они останавливаются у каждого столба. – Я рассмеялась. Как точно подмечено! – Часов за двенадцать – семнадцать добраться до Питера можно. Опять-таки безопаснее.

– А что такое «тюлень»? Ты назвал меня так.

– «Тюлень» – это такие существа, вроде тебя, которые создают нормальным стопщикам проблемы. Они могут ехать большой компанией и создавать толпу на выгодных позициях, отчего оттуда потом не уехать. Еще они так же, как ты, машут рукой при голосовании. Напоминает махание ластами. Очень смешно. Ну и самые продвинутые «тюлени» не соблюдают элементарных правил безопасности, выбора позиции и приоритета. Но ты первый раз на трассе, поэтому я решил стать твоим ведущим. Считай, что небеса послали тебе меня.

Я хотела ответить резко, мол, сам он «тюлень», но потом передумала. Он ведь прав. Я действительно первый раз на трассе, ничего не знаю, и со мной может случиться все что угодно. Что ж… Пусть все будет так, как должно быть. Поеду с ним в паре. Карты же обещали мне помощь. Вот моя добрая фея и нарисовалась в виде странного парня в черном пальто, под которым будто бы прячутся огромные крылья. Как у демона.

Кирилл зашагал дальше. Я поплелась за ним. Было смешно смотреть, как он идет чуть вразвалочку, тяжелыми ботинками поднимая легкие облачка пыли над обочиной. Полы распахнутого пальто развеваются. Рюкзак, между прочим, дорогой. Я такие видела. Просила маму купить, но она сказала, что у нас нет денег. Вообще мы часто экономим на всем. Но не в этот раз! Сейчас я хочу, чтобы моя мечта стала реальностью. Я столько сил потратила на то, чтобы приблизиться к ней, что препятствие в виде мамы уже не потерплю.

– Варь, а ты чего в Питер подалась? – спросил Кирилл, опять поворачиваясь ко мне лицом.

– На концерт. Классической музыки. – Да. Именно так. Сама себе кивнула я. Незачем ему знать, на какой концерт я еду. Мало ли что… – Я билет купила три месяца назад. Я на него так долго копила…

– Сколько же он стоит? – вылупился Кир.

– Тысячу.

– Баксов?!

– Рублей, дурак!

– Всего тысячу рублей? – разочарованно протянул он.

Машины проносились мимо, никто не желал нас подбирать. Да Кирилл почему-то и не голосовал, шел куда-то вперед.

– Ну не все богатеи, как ты. – Я окинула скептическим взглядом его одежду из секонд-хенда.

– Наверное, это к лучшему, – подмигнул Кир. – Так, Варь-

ка, объясняю популярно. Встаешь на обочине, поднимаешь руку вот так, большим пальцем вверх, и голосуешь. Тебе быстрее остановят, ты девушка. Ты только в глаза водителю смотри. Но не умоляй: «Дядя, возьмите, мы никому не нужны!» А четко так всем своим видом говори, что мы поедем только на его машине и ни на чьей больше. Видишь, иномарка летит? Чую, нашей будет.

– Не женское это дело машины тормозить, – гордо задрала я нос, отходя в сторону. – К тому же ты сам говорил, что тормозить машины в юбке – опасно.

– Ну, во-первых, я этого не говорил, ты сама поняла. А во-вторых, кто виноват, что ты такая овца и вырядилась, как на бал? Давай тормозить твое корыто… В смысле тыкву… То есть карету… Принцесса, блин, беглая… – захихикал.

– Сам ты… – насупилась я, тщательно пряча улыбку. – Тоже мне кучер… Тьфу ты, – демонстративно скривилась и покачала головой, – крыса. Ой, нет, трубадур!

– Отлично, будешь моей трубадурочкой, – хохотал он, смешно закидывая голову назад и тряся волосами. – Поднимай руку, как учил. В глаза водителю смотри. Только самоуверенно и нагло, как принцесса, а не так, будто ты милостыню просишь.

– Только договариваться будешь сам, – предупредила я его.

– Палец подними! – крикнул Кир, отходя от меня метров на двадцать и тоже поднимая руку. Он со мной, что ли, будет

голосовать? А я зачем тогда?

– А если не подниму? – упорствовала я.

– У тебя есть деньги?

– Нет…

– Тогда палец поднимай. Это знак такой, что стопишь. Драйверы понимают.

– Кто? – пришла моя очередь таращить глаза.

– Водители, – со вздохом отозвался Кир. – Господи, что бы ты без меня делала, трубадурочка?

Я показала ему язык, подняла палец вверх и сделала самое невинное лицо, какое смогла. Улыбнулась. Уже не так страшно, но ноги опять дрожат. Со мной Кирилл. Он друг. Он не бросит в беде, поможет. Я ему верю. Хм, надо же, меня еще никто принцессой не называл.

Глава 2

Никто тебе не враг, никто тебе не друг, но всякий человек – твой учитель.
Конкордия Евгеньевна Антарова

– Я вас до Клина подброшу, ладно? А там дойдете до ближайшей автозаправки и попроситесь к кому-нибудь. Если повезет, до Питера на одной машине домчитесь, – улыбался в зеркало заднего вида молодой мужчина лет тридцати – тридцати пяти.

Он выглядел цивильно – в костюме, с короткой стрижкой, тщательно выбритый, на бандита не похож. Лицо такое простое, как мама говорит, деревенское. Я плохо представляю, что значит деревенское лицо, но, наверное, именно так оно и выглядит – нос картошкой, глаза серо-голубые, губошлеп. В целом наш водитель внушал доверие. К тому же Кирилл вел себя очень по-деловому, уверенно и открыто, и это вселяло оптимизм. Я сразу же проверила, чтобы дверь открывалась, – если что, буду прыгать на ходу, как в кино. Написала эсэмэску Ярику, что еду в джипе в сторону Клина. Страх опять накрыл с головой. Мне вдруг показалось, что Кирилл и этот водитель знакомы, что они договорились, завезут меня в какое-нибудь стремное место и убьют. Мамочки! Пожалуйста, пусть все будет хорошо! Что же делать? Как быть?

Может быть, выпрыгнуть из машины, пока мы не набрали скорость? Как же страшно! Зачем, ну вот зачем я поперлась в Питер таким идиотским способом?!

– Только высадите в светлом месте. Не хотелось бы, чтобы нас по асфальту размазало. – Кирилл все пристраивался на переднем сиденье. У него никак не получалось снять рюкзак: ремень зацепился за складку и лямка не соскальзывала.

Наконец-то, избавившись от ноши, он закинул ее назад ко мне и подмигнул, широко улыбнувшись. Я постаралась растянуть губы. Вышло криво, со всем на улыбку не похоже. Что же так страшно-то, аж челюсти сводит. Кир поправил пальто и жизнерадостно выдал:

– Холодно на улице. Осень. Того гляди, дождь пойдет.

– Да, погода шепчет: «Займи, но выпей», – захохотал дядька.

Я испуганно глянула на Кира. Не надо было садиться в эту машину. Ох, не надо! Ездят же тут другие машины, попроще, а на таких джипах только бандиты рассекают. Ну, все, я попала! Прощай, Ярик. Передавай привет маме. Между тем Кирилл сидел абсолютно спокойный.

– Нет, на трассе нельзя, – покачал головой. – Вот до Питера доберемся, там уж оторвемся. Сеструхе моей приспичило на концерт съездить. Заодно решил ей мир показать, а то дома сидит, всего боится. А вы сами в Клину живете, да?

Зачем он назвал меня своей сестрой? Зачем рассказал про концерт? А если они у меня билет отберут? Мамочки! И на

улице уже темнеет. Надо удрать от них на светофоре. Есть же тут какие-нибудь светофоры по пути? Сбежать – и пусть едет один. Да что же это такое, почему так страшно?

– Нет, у меня там строительная контора, – не замечал мой перепуганный взгляд водитель. – Несколько бригад мастеров. Езжу контролирую, чтобы не налажали. А ты сам давно хитч-хайкингом занимаешься?

– Я не профи, – развалился Кирилл на сиденье. Кажется, уж он-то точно не переживает, что этот бандит с нами что-то может сделать. – Так… Ездил раза три-четрые. В Архангельске был, в Минск мотался и в Севастополь. По Крыму покатался с друзьями. Но мы компанией ехали, человек десять. Разбились на пары и соревновались, кто быстрее. Весь Крым потом прошли-проехали.

Ой, а у водителя прыщ на носу! Влюбился кто-то. Надо же… А мама говорила, что прыщи только у подростков бывают. Кстати, вот у Кирилла нет прыщей, значит, он уже не подросток. Интересно, а сколько ему лет?

– Где мои семнадцать лет? – вздохнул водитель, словно подслушав мои мысли, и протянул руку. – Володя.

– Кирилл, – ответил он рукопожатием. Володя опять посмотрел на меня в зеркало.

Кир повернулся ко мне. Многозначительно расширил глаза.

– Варя, – тихо-тихо пробормотала я.

– Первый раз, – лыбился Кир. – Боится сильно.

– Да чего нас бояться? – ухмыльнулся дядька. – Я сам стопил всю юность. Потом встретил Катьку, и теперь при бабе, при конторе и без всякой романтики. Скукотища… А то, бывало, выходил из офиса вечерком на трассу, поднимал руку и, эх, катил до самого Магадана.

– Что, прямо в костюме и без вещей? – ехидно ухмыльнулась я его вранью.

– Нет, ну я в костюме редко хожу. Просто сегодня переговоры были, – принялся Володя смешно оправдываться. Ага, так я тебе и поверила.

– Круто! – восторженно закивал Кирилл. – Магадан… Моя мечта… Я летом, может быть, съезжу. Всю жизнь хотел побывать на Магадане.

– Ага, ты только учти, что идти надо по федеральным трассам. Лучше лишний круг сделать километров в триста, чем по проселку пешком пятьдесят пройти, – принялся наставлять его Володя. – Это у нас триста километров до фига, а у них там за Уралом не расстояние.

Вот врет и не краснеет. Я уткнулась носом в окно. Деревеньки какие здесь ухоженные. Дома большие, кирпичные. Дорога сама по себе узкая, как-то вот тесно мне на ней в такой большой машине, хочется плечи расправить. А поселки солидные – сразу видно, что здесь живут богатые люди. Эх… А для нас с мамой тысяча рублей уже много. Если она узнает, что я уехала в Питер, то не сносить мне головы. Но маман сейчас у кого-то на даче, вернется в воскресенье, нельзя

же упускать такой шанс. Лишь бы Птица не подвела. Это у Ярика кличка такая. У нее фамилия Сокол. Вот ее ребята Птицей и зовут. И мы с девчонками иногда. Темнеет уже. Зачем я поехала вечером? Ведь можно было отправиться в путь ранним утром. А сейчас, Кирилл прав, когда в полумраке ничего не видно, никто не остановится. Страшно очень. Вдруг этот Володя завезет нас куда-нибудь, отберет деньги и билет на концерт! Нет! Билет я ему не отдам. Пусть забирает деньги, но билет не отдам. Как мудро подметила героиня одной книги: «Помолиться бы, да прогрессивные барышни не молятся». Еще и не умею… В кармане завибрировало и затренькало. Боже мой! Это мама!!! Вспомнишь про нее, она и появится! Что делать?!

– Заткнитесь все! – рявкнула я от страха на мужскую половину. Они недоуменно замолчали. Я нажала «Принять вызов» и самым беззаботным голосом, на какой только была способна, прощебетала: – Да, мамочка, привет!

– Варвара! Почему я звоню домой и не могу до тебя дозвониться? – строго зарычала маман мне в ухо.

– А я у Ярика. Мне скучно одной, вот я к Ярику и пошла. Ну, ты же знаешь, я не люблю одна сидеть. К тому же совсем не поздно. Время детское.

– Ты в машине? Вы куда-то едете? – продолжала допрашивать она.

– В ветклинику. Брат Ярика крокодила приволок домой, говорит, пальчик вывихнул. Вот мы с Ростиком сейчас в кли-

нику и едем. Мам, я тебе потом перезвоню, хорошо? А то мне говорить неудобно. Все, маман, бай. Целую тебя! – И я быстро нажала отбой.

Фу, вроде бы отбрыкалась. Мама не должна догадаться, что я уехала в Питер, а то убьет с особой жестокостью. Она у меня строгая. Ее хлебом не корми, дай только поучить меня жизни. А я и сама большая, сама все знаю. Сколько можно меня опекать?

Мы минут пять ехали молча. Володя сосредоточенно рулил, Кирилл, видимо, злился, потому что периодически кидал на меня осуждающие взгляды. Я лишь пожала плечами – ну я-то тут при чем? Это же мама виновата…

– Это мама, – невинно хлопая ресницами, пояснила я, чтобы хоть как-то оправдать свое выступление. – Мы с Кириллом уехали, ей ничего не сказали. Кирка взрослый, мать на его тему не парится, а меня блюдет, словно я драгоценность какая. Просто она ругаться сильно будет…

– А чего не сказала, что ты с ним? – понимающе улыбнулся Володя.

– Просто… Просто… – мялась я, судорожно соображая, как бы соврать правдоподобней. – Просто она Ярику больше доверяет. Мать говорит, что в ней ответственности больше, чем в Кирке.

– Н-да? – приподнял Кирилл бровь. Володя покосился на него с подозрением.

– Да у них в семействе все чокнутые, – делано развесе-

лилась я, нервно дергая бегунок на куртке. – Ну, я ж тебе рассказывала! Соколы называют своих детей Славами. Типа будет их ждать великая слава. Старшего зовут Ростислав, в честь Ростроповича. Он вечно в дом животных таскает. Среднего – Вячеслав, в честь хоккеиста… Тихонова. Он рисует классные граффити и совершенно не хочет учиться. Потом вот ждали Ярослава, а родилась девочка. Ну, Антон Палыч, отец их, и решил, что если родилась девочка, то это не повод называть ее другим именем. Так вышла Ярослава, в честь Ярослава Мудрого. А самого мелкого зовут Станислав, в честь Станислава Лема. Все Славы, кроме Ярика. Поэтому мама скорее доверит меня Ярику и их ненормальному семейству, чем брату.

– Какие сложные у вас отношения в семье, – уважительно кивнул водитель.

– Э-э-э-э… – промычал Кир. – Да… Витиеватые… Мамы… Они всегда с такими тараканами в голове… – Смешно всплеснул руками.

– Да, женщины существа странные, – поддакнул Володя. – Вот взять хотя бы мою Катьку. Я ей давеча говорю, зачем тебе билеты в Турцию, да еще за самолет такие деньги платить, когда можно бесплатно доехать. Покидал купальники и зубную щетку в рюкзак и поехал. Дня три-четыре, если не торопиться, и на месте. А ей, видите ли, комфорт теперь подавай. Раньше ее комфорт мало интересовал, а сейчас остепенилась, цаца.

– А она что, тоже автостопом ездила? – опешила я.

– Ну, конечно! Мы с ней всю Россию и Европу исколесили. Потому и люблю, что на нее положиться можно, – с большой гордостью в голосе произнес он.

Я помялась и все-таки отважилась спросить:

– А что такое… хитч… Как его? Хай… Пар… Ну…

– Хитч-хайкинг? – улыбался дядька. Я кивнула. – Это значит путешествие на попутках. Автостоп – так привычнее?

– Да, – с благодарностью посмотрела на него. – И вы вот до самого Магадана доехали? Страшно было? С Катей, да?

– Нет, без нее. Весело было, хотя первый раз тоже очень боялся. Все переживал, нервничал, от всех шугался, а потом ничего, привык, даже во вкус вошел. Знаешь, Варвара, самое главное – это верить людям. Хороших всегда больше. Мы как-то с другом решили пройти по берегу Баренцева и Белого морей по Кольскому полуострову. Это больше семисот километров! Он журналист-эколог, а я просто так увязался, не хотелось сидеть летом в городе. Ты не поверишь. Вот идешь по берегу, вокруг ни души на многие сотни километров. Какая природа! Какая красотища кругом! Животные непуганые смотрят на тебя с интересом – типа, что ты за зверь такой странный. А потом набредаешь на маяк. До ближайшего селения километров тридцать, воды нет, никого нет, живут натуральным хозяйством, воду им привозят. Людей всего – два человека – баба Маня да дядя Игнат. И вот ты стучишься в избу и говоришь: «Люди добрые, пустите

странников переночевать». И ведь пускают! Баню истопят, ужином накормят, спать положат. И ничего им от тебя не надо, кроме доброго слова и новостей с Большой земли.

– Что же вы ели? – подалась я вперед.

– Так что Бог посылал, то и ели. Ягоды собирали. Рыбу ловили – пару штук выловишь и целый день сытый. Икру я тогда ложками ел. Как в анекдоте было: денег нет даже на хлеб, приходится икру так есть.

– А спали как?

– Находили заброшенные охотничьи домики или прятались в блиндажах и землянках. Пару раз ночевали в закрытых городах. Вот там страшно. Представляешь, стоит город. Много пятиэтажек. Детские площадки. Школа. Больница. И тишина. Только птицы щебечут. Окна выбиты. Качели ржавые. Я тогда много думал о том, что через много лет мир будет выглядеть вот так… пустота… Это, правда, очень страшно – пустой город. И природа медленно обживает территорию человека. Хотя, знаете, у меня один раз такой случай был… Еду, значит, в Пермь. Вроде бы недалеко и ничего такого трудного. Да только завез меня мужик в какую-то деревню, которой и на карте-то нет. Говорит, что тестю сейчас тут мешок картошки закинет и домчит меня, куда скажу. Выходит из дома ну чистый терминатор – высокий, крупный мужик, борода по грудь, как лопата, глазки маленькие, словно червячки у меня в душе поковырялись, кулачищи, как моя голова каждый. И говорит: «Ну что, Трофимушка, привез ты

мне мяска на ужин?» – «Привез, – отвечает водила. – Привез. Уж не взыщи, какой попался». И так Трофим этот лебезит перед мужиком, так в глаза заглядывает и на меня плохо косится. Я ручку на себя дергаю, чтобы выйти, а машина не открывается. Ох, сел я тогда на измену. Решил, что без боя не сдамся. Буду до последнего вздоха сопротивляться. А Трофим берет топор… Машину так обходит… – Володя все понижал и понижал голос, переходя на зловещий шепот. – Я уже сижу ни живой ни мертвый. Говорит, мол, подсоби картошечку в дом перенести. Дверь мне открыл. Я выхожу, понимаю, что бежать надо, а у самого ноги как приросли. Ужас! Говорю: «Мужики, вы чего? Вы в своем уме? Это ж не по-людски!» А Трофим так мерзко ухмыляется: «Родителям надо помогать…» Открыл багажник. Я чуть в обморок не упал. Думал, там труп. А там… – Володя вдруг зычно заржал. Я вздрогнула и дернулась. Кирилл похлопал меня по пальцам, впившимся в спинку его сиденья. – Представляете, у этого гада в багажнике поросенок лежал и мешок картошки! А поросенок тот – ну чистый труп. Я с тех пор свинину не ем вообще. Все время вспоминаю тот поросячий трупик в багажнике. Нет, ну вот нормальный мужик? Какого черта на меня так плотоядно коситься надо было, а?

– Он вас потом обратно-то отвез? – робко спросила я.

– Конечно! Накормили настоящей сибирской похлебкой из печи и рано утром отвезли до Перми. Доверять надо людям, Варька.

Я поежилась. Кирилл хохотал вместе с Володей. Утробным голосом подвывал: «Родителям надо помогать…» – и закатывался, жмуря глаза, из которых текли слезы.

– Понимаешь, Варвара, – снова начал поучать меня Володя, изредка поглядывая в зеркало. – Мир такой огромный, мы не знаем, есть ли добро, есть ли зло, что истина. Но когда ты вот так выходишь на трассу и едешь, куда зовет тебя сердце, то ты познаешь мир. С какими чувствами ты его познаешь, так он к тебе и относится. Живи с добротой в душе, Варя.

Володя высадил нас около заправки. Дал тысячу рублей на дорогу и пачку сигарет. Кирилл оставил ему пачку жвачки и записал какой-то адрес и телефон, куда можно будет в Питере обратиться, если что-то пойдет не так. Они назвали это странным словом «вписка». Черт, я стану такой умной на этой трассе. Столько слов уже узнала, о существовании которых даже не подозревала. Электронные часы мигали двумя точками, показывая, что времени всего лишь шесть часов двадцать восемь минут. После теплого джипа холодный ветер пробирал до костей. Я застегнула молнию на куртке и сжалась. Кир зашагал к колонкам, надеясь с кем-нибудь договориться, я семенила следом.

– Варьк, а, Варьк, – тянул он с улыбкой, выпуская дым колечками. – Ты в следующий раз, когда врать будешь, придумай историю более правдивую.

– А что я не так сказала? – насупилась я.

– Ну хотя бы то, что Ростропович был Мстиславом.

Я не удержалась и рассмеялась:

– Надо будет сказать об этом Антон Палычу. Придется им еще одного сына рожать, а то такой конфуз с Ростиком вышел. И ведь парню девятнадцать лет, а он считает, что назван в честь Ростроповича.

– Ты правду, что ли, сказала? – покосился Кир на меня.

– Конечно! Кстати, надо Ярику позвонить, рассказать, что мы лечим крокодила. Нельзя, чтобы наши показания расходились.

Пока Кирилл искал нам машину, я позвонила подруге и ввела ее в курс дела относительно вывиха пальчика крокодила. Ух, как знатно Ярик шумела, что я впутала ее в это дело. Потом вроде бы успокоилась и попросила слать эсэмэски при любой возможности. Сказала, что они с девочками за меня сильно переживают. Я, правда, не сомневаюсь, что Женька обязательно скажет что-то ядовитое по поводу моей выходки. Она вообще такая вся из себя разумная, что лишний раз пальцем не пошевелит, если не подгонит под это обоснованельную базу. Логичнее всего было бы посовещаться с ней насчет поездки. Уверена, Точка бы придумала, как за минимум денег доехать с максимальным комфортом. Но… Хорошая мысля, как известно, приходит опосля. А вот Настька бы осудила, что поехала автостопом, значит, буду не готова к встрече с кумиром. С другой стороны, если бы я нафуфыривалась, как Анастасия, то на концерт бы не попала вообще.

Пришлось бы вести за собой грузовик всяких мазей, теней, помад, лаков, духов, шмоток и огромное зеркало… Поэтому реально обо мне переживает только простая, как пять копеек, Птица, а Настя и Точка всего лишь глумливо прикидывают, как я могла поехать автостопом не при полном параде и без денег в кармане. Все равно я их люблю. Они мои самые лучшие подруги. С ними весело и очень интересно. Вообще я не знаю, что делала бы без моих девчонок. Мы такие разные, и иногда кажется, что у нас нет ничего общего, кроме школьных занятий. А потом ты понимаешь, что без их совета не можешь принять решения, потому что одна голова хорошо, а четыре круче! Что в кино без подруг мучительно скучно. Что в кафе в других компаниях не интересно, а в школе мы одна банда, с которой связываться себе дороже. А уж какие корки отмачивают мои девочки! Эх…

– Варя, а он хорошенький? – спросила Ярик загадочным голосом.

– Ты знаешь… – Я посмотрела на Кирилла со своего пригорка. Сильный ветер опять трепал полы его расстегнутого пальто. Интересно, он хоть когда-нибудь застегивается? На улице так холодно, а он – душа нараспашку. – Кир похож на демона. Прекрасного принца ночи.

– Ты смотри там осторожнее со своим демоном. Они, знаешь ли…

– Птица, не умничай. Я очень осторожна. Все, меня зовет мой трубадур. Дальше поедем на большой фуре. Номера

прибалтийские, не скажу точно, не вижу, далековато. Пожелай мне ни пуха.

– Оторвись там на концерте. Удачи тебе, подружка.

Я спрятала трубку в карман и сбежала с горки вниз. Кирилл все так же улыбался, подсаживая меня в кабину к водителю. Как же мне повезло… Он не демон. Он мой ангел. Ангел-хранитель.

Глава 3

Осторожно, дети легко ломаются.
Юля Лемеш. Убить эмо. Лето без Стаси

Оказывается, в большой фуре всего одно место для пассажира, а я-то наивно полагала, что туда человек десять набиться может. Еще вспомнила сериал, в котором два дальнобойщика в разные передряги попадали, и расстроилась. До чего дошел прогресс – как можно было снимать кино в такой маленькой кабинке, где совершенно не развернуться? Нет, ну развернешься, конечно, и кабина сама по себе огромная, но какая-то несуразная.

– До самого Питера довезет, – шепнул мне Кирилл в ухо. – К утру на месте будем.

Я сначала обрадовалась, а потом испугалась: что я буду делать в городе два дня? Ладно, позвоню Куколке, скажу, что приехала на сутки раньше, так вышло, я не виновата. Куколка – это девочка из нашей тусовки на форуме. Я даже толком не знаю, как там кого зовут, только по сетевым именам. Мое имя в сети – Червивая Вишня, сокращенно ЧеВи, или Вишенка, кому как нравится. Сама Кукла живет в Питере и сказала, что я могу несколько дней пожить у нее. Она уже взрослая, ей девятнадцать, живет без родителей и работает в салоне красоты. Точнее, она им владеет. Папа подарил. Вот

и все, что я знаю о своей сетевой подружке.

Между тем Кирилл опять принялся расспрашивать водителя о его жизни, что-то рассказывал сам. И я неожиданно поняла, что он делает это специально. Таким образом Кир развлекает человека, который нас подобрал, составляет ему компанию. Это своего рода плата за проезд. Ага, значит, надо тоже поддерживать беседу. Только неловко общаться с чужаком, стыдно. Ну, вот как разговаривать с ним, как найти общие темы, как узнать, что ему интересно, а что нет? Ну, ничего. Я смогу. Не глупее некоторых.

За окном мелькали деревни, леса и поля. Еще полчаса, максимум – час, и будет совсем темно и ничего не видно. Дома не такие богатые, как раньше, скорее добротные, но попадались и совсем страшные хибары, в которых тем не менее все равно горел свет. Как тут жить-то можно? Наверное, и условий никаких. Дорога шла ровная, с четкой разметкой, которую было хорошо видно в неровном свете фар. Даже как-то скучно. И как он не засыпает за рулем? Может, он нас затем и взял, чтобы мы его развлекали?

Я скучала, глазела по сторонам и делала вид, что слушаю нашего водителя, а сама периодически тайком наблюдала за Кириллом. У него красивый профиль. Чуть вздернутый нос. Длинные ресницы, в кончиках которых отражались огни фонарей. Улыбка очень мягкая и какая-то обволакивающая, очаровывающая. Водитель то и дело поворачивается к нему, что-то увлеченно рассказывает, размахи-

вая одной рукой с короткими пальцами-сардельками. Лицо круглое. Глазки маленькие, шустрые. Рот ниткой, почти без губ, словно ножом прорезали. Нос курносый. На голове залысина. Волосы… пегие? Цвета мышиной шерстки после дождя. Сам толстый, пузатый, похож на одуванчик, с которого неровно слетел пух. Из-под майки проглядывает густой подшерсток, руки тоже покрыты темными, волнистыми волосами. Эх, волосатый одуван какой-то! И голос у него такой располагающий. Вот у Володи был просто голос, Кир говорит тихо и вкрадчиво, а голос этого дальнобойщика слушать хочется. Как интересно путешествовать, столько всего узнаешь!

– Ты чего так на меня смотришь, красавица? – заметил водитель мой изучающий взгляд.

– Мне, глядя на вас, холодно становится. Как вы не мерзнете в майке в такую холодрыгу? – улыбнулась я, на всякий случай нащупав руку Кирилла. Он тут же сжал мою кисть, словно поддерживая.

– Для этого здесь есть кондиционер. Всегда двадцать пять поддерживает и зимой и летом. А вообще с моей шерстью, – он провел ладонью по груди и рассмеялся, – можно спать на снегу, она меня согреет в любой мороз.

– А вам одному не страшно ездить на такой огромной машине? Вдруг бандиты? – робко продолжила я расспрашивать.

Кирилл повернулся и посмотрел с благодарностью. Ка-

жется, его язык уже устал молоть всякую ерунду.

– Вдвоем – значит, делиться выручкой, а она не такая большая, чтобы половину отдавать кому-либо. Я по этой дороге лет пять езжу. Каждый камень и придорожный столб как отец родной. Вот ближе к Твери начнут охотиться гайцы – удалые молодцы. Но мы их фишки и секреты знаем, места засады, радары. «Я знаю все твои трещинки, ага-ага», – вдруг пискляво пропел он с восточным акцентом. Я прыснула, ткнувшись носом в плечо Кириллу. – Нас голыми руками не возьмешь! Да и по рации ребята предупреждают заранее. А на случай нападения бандитов у меня есть бейсбольная бита и для совсем непонятливых – пистолет.

– Настоящий? – ахнула я, прижавшись к Кириллу плотнее.

– Конечно. Кто же с игрушечным пистолетом на трассу выходит?

– А ваша жена не переживает, что вы так часто отсутствуете? Все-таки страшно, мало ли что в дороге случиться может? – Надо же, разговаривать с незнакомцем совсем не трудно, а я так боялась.

– Переживает, родимая, конечно, переживает. Но если любишь кушать хорошо и в модных шубках ходить, то придется мириться с какими-то неудобствами. Я могу хорошо за сезон заработать. Да и некогда ей скучать, она в Тарту с детьми сидит. Другие вон стоят днями, а я постоянно за рулем. «Дорога – мой компас земной, а удача – награда за сме-

лость!» – опять затянул фальшиво басом.

Рация запищала матом. Из короткого сообщения мы узнали, что впереди засада. Петр чертыхнулся и сбавил скорость. Мы проезжали мимо каких-то огромных озер. Я смотрела, как ярко-розовые лучи солнца, скрывшегося за угольно-черным лесом на горизонте, прорезали чернильное небо. Сам горизонт оставался бледно-желтым, разделяя небо и землю, словно прослойки белого шоколада разделяют шоколадный пломбир. Тяжелые тучи были похожи на взбитый черничный мусс с вкраплениями малинового варенья из солнечных лучей. И вся эта красота отражалась в зеркальной глади воды.

– Что это? – обалдело смотрела я на озера.

– Иваньковское водохранилище, – раздраженно отмахнулся Петр.

– Московское море, – влюбленным голосом произнес Кирилл. – Потрясающе… Вот бы сюда на рыбалку…

– Скоро посты, – буркнул водитель.

– Прятаться? – забеспокоился Кир. – Нельзя же втроем.

– Нет, сиди. Нормально все будет. Просто подружку свою прикрой, когда скажу. Она такая мелкая и черная, что ее в темноте не разглядят.

Дальше мы ехали молча, в некотором напряжении. Петр – так звали водителя – был явно чем-то недоволен. Я смотрела, как свет фар освещает серое полотно дороги. Глаза слепили встречные машины. Некоторые начали как-то странно подмигивать.

– Ну точно, засада близко, – кивнул Кирилл.

– Вижу, – нахмурился водитель и ощутимо сбавил скорость.

Мы поехали медленно-медленно.

– Откуда вы знаете? – спросила я.

– Видишь, встречные мигают? Значит, впереди стоят гаишники и ловят нарушителей.

И действительно, через пару минут в темноте замаячили светоотражающие полоски и желтые жилеты. Один из них махнул полосатым жезлом и указал на обочину. Петр тут же засуетился, достал документы и побежал к стражам дорожного порядка. Я вопросительно посмотрела на Кирилла. Он пожал плечами:

– Мы ничего не нарушали так вот явно. Думаю, что все нормально будет. У тебя документы с собой?

– Да. А если они меня ищут? Может быть, мама в милицию позвонила?

– Может быть. Ты ей совсем ничего не сказала?

– Ты же слышал. Он вздохнул:

– Думаю, что она бы сначала дозвонилась до тебя.

Петр вернулся в кабину, растирая озябшие плечи. Волоски на руках смешно стояли дыбом, кожа покрыта пупырышками.

– Что там? – спросил Кирилл.

– Документы проверили. Сказали, что впереди дорогу ремонтируют, просили не нарушать и ехать осторожно. Ну, по-

летели! – Он повернул ключ. Мотор глухо зарычал, и машина мягко тронулась с места. – Чего перетрусили-то, бродяги?

Кирилл нервно дернул плечами.

– К Твери подъезжаем. У меня тут женка живет. Если б не груз, то я б к ней заехал, – довольным голосом сообщил водитель.

– То есть как тут жена живет? – не поняла я. – Вы же говорили, что она в Тарту…

– Не-е-е, – протянул Петр со смехом. – В Тарту у меня законная супружница, а тут женка. Как бы тебе объяснить? Ну, это…

– Любовница, – спокойно подсказал Кирилл.

– Нет, женка.

– Как это? – вытаращила я глаза.

– Ну что ты как маленькая, в самом деле? – улыбался он. – Любовница – это временное увлечение, а женка – это серьезно и с детьми.

Меня словно водой ледяной окатило.

– И много у вас… жен с детьми? – заикаясь, спросила я.

– Три штуки. Детей у меня четверо – три мальчика и девочка. И своих еще две дома. Девочки.

– А они знают о существовании друг друга? – пробормотала я, чувствуя, как холодеют руки и ноги.

– Да что я, дурак, что ли! – рассмеялся он противно.

– Но дети? – недоумевала я. – Им же нужен папа. Настоящий папа. Родной папка…

– Я о них помню, – со знанием дела заверил меня Петр. – «Утром мажу бутерброд, сразу мысль – а как народ? И икра не лезет в горло, и компот не льется в рот».

Меня затрясло. Я отвернулась, чтобы не видеть его отвратительной, блестящей от жира физиономии. За окошком все еще мелькало Московское море. Я вспомнила, что, дожив до пятнадцати лет, еще ни разу не была на море и не летала на самолете. Мы просто не могли себе этого позволить. Отец никогда не помогал нам. Я даже его толком не помнила. Он остался в памяти каким-то расплывчатым серым пятном, которое первое время еще поздравляло меня с днем рождения. Он уехал на Север на заработки, и больше мы с мамой не видели ни отца, ни уж тем более его заработков. Мама всегда крутилась, как могла, что-то шила, переделывала дешевые вещи, купленные на рынке или в секонд-хенде. Маленькой я часто слышала, как она плачет ночами. Не тихо, а рыдает в голос и что-то шепчет, причитает. Я тоже плакала тогда. Думала, что, если бы у меня был папин телефон, я бы ему позвонила и попросила вернуться. Казалось, что его можно убедить бросить свои «заработки» и приехать к нам. Однажды я нашла мамину записную книжку, а в ней папин телефон. Пока она была на работе, я позвонила ему, сказала, что нам очень плохо без него, что у нас не всегда есть продукты, что иногда мы сидим на одной гречке, и я ее ненавижу. Он начал орать, что это мать подговорила меня, что мы ни копейки не получим и чтобы я не смела больше его обманы-

вать. Больше я не звонила ему никогда.

Во мне просыпался вулкан, который спал эти несколько лет. Гнев, подобно лаве, стремительно поднимался откуда-то из кончиков пальцев на ногах, пропитывал каждую клеточку организма отчаянной ненавистью и беспомощностью. В самом центре груди образовалась огромная рана, готовая прорваться и вылить всю боль на это существо, именуемое себя отцом.

– Да как вы смеете? – прошептала я сквозь полившиеся слезы.

– Варь, ты чего? – испугался Кирилл.

– Да как вы можете! – не заметила, как начала повышать голос, срываясь на крик. – Вы знаете, что значит ходить в школу и слышать «безотцовщина»? Вы знаете, каково это носить обноски с соседского ребенка, который еще про это и растрепал всему двору? Вы знаете, что значит идти по рынку летом и не иметь возможности купить черешню? «Утром мажу бутерброд!» Да что б он вам в рот не полез! Остановите! – Я принялась дергать за ручку, желая немедленно выйти из кабины.

– Варя! Варя! Успокойся! – Кир схватил меня за юбку одной рукой, второй принялся ловить руку, пытающуюся открыть дверь на ходу.

– Не трогай меня! Остановите!!! – заорала я, обливаясь слезами. – Выпустите меня! Немедленно выпустите! Икра ему в горло не лезет! Откуда ж вас, таких уродов, только бе-

рут?

Я вывалилась из кабины, больно ударившись коленкой и отбив руку, на которую приземлилась. Меня душили слезы. Я вспоминала отца, его злые слова, ночные слезы мамы и рыдала в голос, бормоча проклятия. Проклинать нельзя, это я знаю, но, если бы у нас были деньги, я бы не ехала сейчас черт-те как, я бы спала в теплом поезде на верхней полке и была бы избавлена от общества таких, как этот Петр. Кирилл взял меня за плечи и оттащил от обочины, чтобы мы не попали под колеса отъезжающей фуры. Обнял, прижал к себе крепко, начал гладить по спине и успокаивать, что-то шепча в ухо. Я не понимала ни слова, ревела, щедро орошая его свитер слезами и соплями. Он дал мне поплакать, потом достал из рюкзака бутылку воды и велел выпить как можно больше, аргументировав это тем, что обезвоженному долгими рыданиями организму нужно пополнить запасы жидкости, а то плакать будет нечем.

– Где мой рюкзак? – вдруг вспомнила я о своем багаже. – Там билет! Кирилл! Он увез мой билет!

– Не увез, я ему не позволил, – самодовольно улыбнулся он и протянул рюкзак за лямку. – Вырвал практически силой.

Я прижала драгоценный рюкзачок к груди. Кирилл посмотрел на меня, ухмыльнулся и снова обнял.

– Ты давай не реви, а то нас больше никто не возьмет. И потом, принцессы не плачут.

– Ты сильно сердишься? Ведь он мог довести нас до самого Питера, – тихо спросила я.

– Можно подумать, если я буду на тебя сердиться, это что-нибудь изменит. Пошли, моя трубадурочка, здесь позиция невыгодная. Тут нас в темноте только раздавить могут. Эх, не могла истерику закатить за Тверью.

– Кстати, я никогда не была в Твери, – выпуталась я из его рук.

– Я тоже, – довольно прищурился он. – И сигареты кончились.

– Наверняка там есть теплый вокзал, где можно переночевать.

– Может, все-таки дальше? – скривился Кир.

– Как скажешь. Ты же у меня ведущий, – легко согласилась я, зная, что все равно будет по-моему.

Мы прошли пару километров по трассе, постоянно голосуя. Машины, словно заколдованные, проносились мимо. Фуры не останавливались вообще. Легковушки двигались только в город.

Через час безуспешных попыток взять нашего драйвера и пройденной еще пары километров Кирилл раздраженно изрек очень умную мысль:

– Отвратительная позиция! Мы тут провисим до утра. Что-то мне подсказывает, что нас передали по этапу и вряд ли мы отсюда сегодня уедем. А «волна» уже схлынула. До мертвого часа далеко, но с этой позиции мы не уедем.

– Чего? – вопросительно сдвинула я брови к переносице. Слова по отдельности вроде бы знакомые и понятные, но смысл сложенных вместе от меня ускользал.

– Я говорю, – доброжелательно засмеялся он, – что Петр сообщил своим, чтобы нас на трассе не подбирали. То есть на фурах мы до Питера не доедем, а дальние легковушки не останавливаются почему-то, только местные. «Волна» – это поток машин. Уезжать и ехать лучше «на волне», то есть когда народ массово куда-то устремляется. Зависнуть на плохой позиции, как ты видишь, значит голосовать безрезультатно. Все понятно, никакой высшей математики.

– Так бы и говорил, – хлюпнула я носом.

– Да я так и сказал. Кстати, тут рядом течет река Волга. «О, Волга, колыбель моя, любил ли кто тебя, как я…» – состроив трагичное лицо, заунывным голосом продекламировал он, поэтично размахивая рукой. Я против воли хихикнула. Кир неожиданно стал серьезным и тихо пробормотал: – С другой стороны, не так уж она и рядом… Надо было карту посмотреть. Как-то я не подготовился.

– Это ты написал?

Он снова скосил на меня глаза, плотно сжимая губы в ехидной усмешке.

– «Один, по утренним зарям,
Когда еще все в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,

Я убегал к родной реке».

Николай Алексеевич Некрасов. На Волге. Детство Валежникова. По-моему, восьмой класс средней школы. Я в шоке.

– Ну и подумаешь… – обиделась я. – Мне Фет больше нравится. А когда мы проходили Некрасова, я болела. Вот! – и показала язык.

Он потянулся, покрутил туда-сюда головой, разминая мышцы, и предложил:

– Пошли по Твери, что ли, погуляем. У нас есть тысяча рублей, и мы можем где-нибудь по ужинать. Мадам… – Он галантно наклонился.

– Между прочим, мадемуазель, – хихикнула я, беря его под руку.

– Мадемуазель, я приглашаю вас на прогулку по старинному городу Твери.

Жаль, что не смогу показать вам всего, но мне бы хотелось, чтобы вы знали, в городе есть очень красивый Путевой дворец и Свято-Екатерининский женский монастырь. Ах, – закатил он глаза, – туда мечтает попасть каждый мужчина!

– Глупый. – Я легонько стукнула его кулачком по плечу.

– А еще там есть парк Крылова. О, кстати, именно в Твери были созданы выдающиеся произведения древнерусской литературы… Погоди-погоди… Дай-ка вспомнить… Кажется, «Повесть о Михаиле Ярославовиче», «Похвальное слово тверскому князю Борису Александровичу» и еще что-то.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.